

ЮРИЙ ВИСЬКИН

ЭЛЕМЕНТАЛЫ

РАССКАЗ

Все началось в театре. Алексей Кукурузов вообще-то не хотел идти: театр его не интересовал, да и на подъем он всегда был крайне тяжел. Но Жанне, его супруге, достался от имевшей связи в театре знакомой пригласительный на премьеру. Пришлось идти.

Они пришли в театр, сдали в гардероб плащи. Кукурузов подошел к зеркалу, достал расческу, навел пробор в своих жидковатых темно-русых волосах и пошел в мужскую комнату, покурить. А Жанна осталась у зеркала, поправляя бижутерию и оборки черного в блестках вечернего платья и приводя в порядок свои пышные, рыжие, словно из медной проволоки, волосы. Она, как всегда, пребывала в хорошем настроении, даже, пожалуй, в еще более хорошем, чем всегда; с удовольствием вдыхала полужабытый запах театра и с любопытством прислушивалась к словам стоявшего поблизости пожилого, с белоснежными волосами и белоснежной бородой режиссера, которого не раз видела по телевизору и потому сразу узнала. Режиссер давал интервью молоденькой журналистке, рассказывал о пьесе, по которой поставил свой новый спектакль. Это была пьеса русского драматурга девятнадцатого века, современника Пушкина. Ее главный герой, молодой человек, промотавший состояние, отличался редкостной способностью лгать.

— Он делает это с исключительной изобретательностью, сочиняя на ходу, — увлеченно говорил режиссер в подставленный диктофон. — Причем сочиняет он с невероятным количеством всевозможных деталей, что дает его лжи определенное подобие правды, и это не удивительно, ведь правда всегда

ВИСЬКИН Юрий Петрович родился в 1953 году в Омске. Окончил Омский политехнический институт и Высшие литературные курсы в Москве. Автор нескольких книг прозы, печатался в журналах "Москва", "Сибирские огни", "Алтай" и других. Член Союза писателей России. Живет в Омске.

тверда подробностями. Именно такие люди, как я теперь понимаю, устраивают сегодня всякого рода “пирамиды”, МММы и так далее, и получается это у них именно по той причине, что они очень убедительны в своей лжи.

Слушая режиссера, Жанна готовилась составить свое собственное мнение о спектакле, как и бывало у неё всегда и относительно всего. Только свое мнение, в чистом виде, без оглядки на чьи-то мнения, могло быть для нее значимым и важным.

Пока супруги Кукурузовы, заняв свои места в зале, сидели в ожидании начала спектакля, Жанна рассказала Кукурузову кое-что из подслушанного, а в антракте, когда пили кофе и ели пирожки за столиком в буфете, стала высказывать уже свое собственное, созревшее мнение:

— А мне, ты знаешь, этот герой нравится! Я считаю, он не только симпатичный, но и положительный. Я бы даже сказала — герой нашего времени. Да. На таких ведь сейчас все и держится. И что бы ни говорил режиссер, а в том, что они так здорово умеют врать, как раз и есть положительная черта. В этом даже, я бы сказала, замечательная суть. Ведь это позволяет им достигать успеха! Так что же здесь предосудительного?

— Нет, мне он не очень, этот герой, — возразил Кукурузов с кисловатой миной, тщательно прожевывая выпечку. — Какой-то он весь... м-м... чересчур раскованный. Расхлябанный, как клоун. И потом, я не пойму, он специально, что ли, все время подмаргивает, или это у артиста тик?

— От них польза, от таких людей!

— Ну уж конечно!

— Да! И еще какая! — Жанна взяла свой обычный командный тон, всегда помогавший ей первенствовать и возвышаться над супругом в спорах. — Они обманывают, да, но ты посмотри, как они живут! У них все есть! Очень плохо, что ты этого не понимаешь. Если бы ты был таким, как они, мы бы жили совсем-совсем по-другому!

— Что ты имеешь в виду? — насторожился Кукурузов. И нахмурился.

— А ты не догадываешься? Сколько раз я тебе говорила: займись делом! Неужели нам всю жизнь так вот и бедствовать? Ты бы уже давно мог иметь приличный доход!

Кукурузов помрачнел и слегка набычился, как всегда, если спор с женой входил в русло, задевавшее его самолюбие.

— Но ты — не они. Это конечно! — Жанна поглядывала на супруга с улыбкой, одновременно и насмешливой, и добродушной, но больше все-таки добродушной. — У них получается. А вот у тебя могло бы получиться, а? Я лично не уверена!

— Хочешь сказать, я глупей их?

— Был бы не глупей, разве бы мы так жили? Получается... — Жанна засмеялась всегдашним своим легким, беззаботным смехом. — Получается, что да.

Кукурузов едва заметно вздрогнул и вперил в жену полный негодования взгляд. И довольно долго смотрел на нее в упор.

Воспользуемся этой паузой для некоторых пояснений. Дело в том, что они действительно жили трудно. Оба окончили медицинский институт, там и поженились, на последнем курсе. И теперь, по прошествии четырнадцати лет, Жанна работала окулистом в магазине “Оптика”, проверяла зрение посетителей и выписывала рецепты на очки, а Кукурузов был санинспектором одной крупной торговой фирмы, имеющей уйму филиалов, магазинов и магазинчиков по всему городу, в том числе и на окраинах, в деревянных домах и бараках, с удобствами во дворе, в силу чего руководство вынуждено было держать единицу санитарного врача, чтоб было кому следить за чистотой и порядком отхожих мест, а заодно санузлов и пищеблоков. Кукурузов выполнял обязанности добросовестно, с присущим ему педантизмом. Не сказать, чтобы его за это как-то особо ценили, но и претензий к нему не было. Однако и о повышении зарплаты речи не шло, исключение составляли мелкие и редкие, касающиеся и всех других работников индексации, и он фактически оставался при своем небольшом окладе, год от года терявшем покупательную силу из-за прогрессирующей инфляции. Пойти же к начальству

и поставить вопрос о прибавке жалования Кукурузов не мог, отчасти из-за свойственного ему сочетания некоторой робости и душевной лени, но больше из-за гордыни: он считал это ниже своего достоинства. Между тем жизнь требовала от супругов все больших и больших трат, не только на себя, но и на сына, коему недавно исполнилось тринадцать лет. Жанна тоже зарабатывала немного, опять же без существенных прибавок. Таким образом, жить им с каждым годом становилось все трудней.

Это обстоятельство и натолкнуло Жанну на мысль — еще два года назад. Она вспомнила о том, что Кукурузов в мединституте некоторое время специализировался по психиатрии. И стала активно убеждать его, чтобы он занялся именно этой практикой, окончил курсы экстрасенсов и открыл свой частный кабинет, либо устроился в какую-нибудь частную психиатрическую клинику. Дескать, они-то деньги гребут лопатой, заживем тогда с верхом!

Кукурузов на этот счет даже в объяснения не вдавался, просто наотрез отказывался и все. И Жанна стала исподтишка третировать его смешочками и всякими колкостями. Кукурузову было неприятно, но он терпел. И только молча впивался в нее своим мрачным негодующим взглядом, точно таким же, каким буравил ее и сейчас.

Но сейчас, похоже, было уже другое, куда более худшее, чем раньше. Ибо раньше выпады Жанны не касались его интеллекта, который сам Кукурузов, между прочим, оценивал очень высоко. Для него это было нечто святое, неприкосновенное, не подлежащее ни малейшему сомнению. И вот эту святыню вдруг так запросто, беззастенчиво, грубо топчут!

— Да?.. — проговорил, наконец, Кукурузов, по-прежнему не сводя с жены взгляда. Глаза его блестели начищенной сталью, он слегка побледнел, а голос его охрип, будто в горле пересохло.

— Да, — твердо, с нажимом сказала Жанна, не то что не обращая внимания на его реакцию, а просто не видя ее, *не умея* ее увидеть. Она весело глядела по сторонам и жевала, мелкими глотками прихлебывая кофе. — Вон, посмотри, за тем столиком сидят. У них и коньяк стоит, они могут добавить его в свой кофе для тонуса. И бутербродики у них с красной икрой. А ты меня можешь попотчевать только вот этим пирожком с капустой! — Она снова засмеялась.

— Они тоже умней, да? — тихо, со злобой, не сводя с жены взгляда, сказал Кукурузов.

— Однозначно. — Жанна жевала, по-прежнему весело глядя по сторонам.

— Н-ну, хорошо... — Кукурузов медленно отвел от нее взгляд.

И больше в этот вечер не сказал ей ни слова.

Она не замечала, что он с ней не разговаривает, и продолжала высказываться все так же весело и живо — и до конца антракта, и после спектакля, когда ехали в автобусе, а потом шли домой.

Дома Кукурузов все-таки ненадолго нарушил негласный обет молчания: негромко и зло выговорил сыну за то, что тот до сих пор сидит за уроками.

— А это у тебя что? — спросил он, взяв со стола большой рисунок разноцветными фломастерами.

— Война роботов.

Кукурузов мрачно разглядывал рисунок. Потом спросил:

— А это кто такие? Вот эти маленькие, ползут по ногам большого робота...

— Элементалы.

— Кто-кто?

— Роботы-исполнители, — пояснил сын. — Они могут выполнять только самые простейшие, элементарные функции, потому так и называются. Они обслуживают тяжелых роботов...

— Лучше б в грамматике потренировался, — ворчливо перебил Кукурузов. — Элементалы...

На следующий день, когда жена пришла с работы, он лежал на диване и читал газету. Лицо его было точно таким же мрачным и злым, как вчера в театральном буфете. Бегающие по строкам глаза блестели все тем же металлическим блеском. Казалось, с того мгновения, как он почувствовал себя

оскорбленным, прошло не более минуты. Так было всегда: одно какое-нибудь чувство овладевало им надолго. Если он, например, прочитывал книгу, то несколько дней подряд только о ней и думал. Если ему выпадала похвала от начальства (что случалось крайне редко), на его лице до конца недели могло покоиться тихое довольство. Стоило ему утром, по пути на работу, столкнуться с хамством в автобусе, как весь рабочий день шел насмарку, он проводил его в состоянии внутреннего напряжения, раздражаясь по поводу каждого пустяка. Обиды, даже самой мелкой, он никогда никому не прощал. Обида была таким же неразстворимым в нем чувством, как гранит неразстворим в воде, и для него существовал только один способ освободиться от саднящей памяти о ней — месть. Был случай, когда работников фирмы буквально потрясла неимоверная настырность, с которой он добивался увольнения одной из подчиненных ему уборщиц-дезинфекторов за то, что она пришла утром с запахом алкоголя. Ее не уволили, поскольку это был единственный случай за долгое время ее работы, к тому же она считалась одной из самых добросовестных работниц фирмы, да и причина запаха, как выяснилось, была уважительной: умер кто-то из ее близкой родни, что давало ей право в тот день вообще не выходить на работу. Причину же кукурузовского напора сумел выяснить психоаналитик фирмы. Он порасспрашивал людей, и оказалось, что года за три до этого случая уборщица высказала в адрес Кукурузова какое-то замечание в присутствии начальства. Проанализировав еще ряд конфликтных ситуаций, не столь резонансных, но все-таки имевших место и все-таки довольно тяжелых, психоаналитик обратился к руководству фирмы с требованием вернуть штат уборщиц в подчинение начальника административно-хозяйственной части, а Кукурузову больше никогда никого в подчинение не давать в силу полного отсутствия у него способности работать с людьми. “Пусть с дерьмом работает!” — сказал в заключение психоаналитик, и с тех пор Кукурузов, контролируя отхожие места, вынужден был регулярно писать заявки на их дезинфекцию начальнику АХЧ. Многие удивлялись, как это еще Кукурузова не сократили. Но его не сократили. Сам Кукурузов на этот счет был в принципе спокоен, ибо хорошо помнил то, о чем некоторые уже забыли: до него на этой новой в то время должности за полгода сменилось пять человек, а он беспрерывно работал уже седьмой год. И поэтому знал: выгонять его начальству не резон. То, что его лишили подчиненных, он, конечно, воспринял без особой радости, но и не очень расстроился, хотя долгое время чувствовал себя ущемленным. Зло на психоаналитика он, разумеется, затаил, и когда посвящал свой досуг обычной для него самоуглубленной (что-то вроде медитации) мысленной ревизии всех обидчиков, с которыми еще не рассчитался, то особенно напряженно и мучительно думал: чем же этому психоаналитику отплатить? К слову, когда ему удавалось рассчитаться с кем-либо из обидчиков, он блаженствовал с не меньшим, а может, даже и с большим упоением, чем блаженствует наркоман, получивший дозу наркотика длительного действия.

Но сейчас его душа была наполнена отнюдь не блаженством, а лишь чувством озлобленности на жену. Вчерашний укол в адрес его ума довел груз обид, нанесенных ею за годы их жизни, до критической массы, готовой рвануть в любое мгновение.

Кукурузов даже не взглянул на жену, когда она, придя с работы, вошла в комнату и удивленно сказала:

— О, ты дома! А я думала — никого. Дверь почему-то на ключ закрыта.

Кукурузов специально и закрыл дверь на ключ изнутри, чтобы не вставать и не идти открывать ей. Этим он хотел обратить ее внимание на свое недовольство. Ничего не ответив и даже не пошевелившись, он продолжал с мрачным видом лежать на диване и читать газетные строки: “...во-вторых, большинство населения страны по-прежнему не может позволить себе долгосрочные покупки жилья, едва сводя концы с концами”.

Кукурузов очень хотел, чтобы Жанна хотя бы поинтересовалась, что с ним. Но она ничего не заметила. Она, как всегда, была в превосходном расположении духа. Сладко потянувшись и взбив двумя руками свою медно-проволочную гриву, она мечтательно сказала:

— О-о, сейчас бы куда-нибудь закатиться, в какой-нибудь ресторанчик... посидеть с музыкой, выпить чего-нибудь крепенького, потанцевать медленный танец... Ну когда же все это кончится? Когда вернется время, чтобы мы снова могли по-человечески отдохнуть, съездить на юг... О-ой-ей-ей... Ах, да! — вдруг встрепенулась она. — Ты знаешь, сегодня я говорила со Светлогубовой... Может, помнишь ее, она училась на стоматологии. Так вот, она сказала, что твой приятель Саша Паровозиков организует центр психиатрической помощи, и ему нужны специалисты. Я взяла телефон... — Она сходилa в коридор, вернулась с сумочкой, достала из нее бумажку и протянула Кукурузову. — Возьми. Созвонишься с ним...

— Не надо, — тихо и мрачно сказал глава семьи, откладывая газету и садясь на диване.

— Ну как это не надо, Кукурузов! Там ты будешь зарабатывать минимум в пять раз больше, чем сейчас! Минимум! Бери, бери, и завтра...

— Не на-до.

— Да что ты, как ребенок! Мне тебя уговаривать, что ли? Может, тебя еще за ручку взять и отвести к твоему приятелю Паровозикову?

— Мы не приятели. И никогда ими не были.

— Да? А кто вместе с ним специализировался по психиатрии? Не ты ли?

— Давай прекратим этот разговор! — негромко, но резко сказал Кукурузов, кинув вниз сложенные кистями руки.

— Вот так да... — Жанна слегка растерялась. И с непонимающей улыбкой смотрела на мужа сверху вниз. — Почему?

А он молчал. Он никогда бы не сказал ей, почему. Для него это было, может быть, самое большое место. Он ни разу с ней об этом не говорил, и поэтому она оставалась в заблуждении, полагая, что он мог бы стать психиатром. Но тогда, в институте, после того, как он несколько раз побывал на практических занятиях по психиатрии, преподаватель, человек преклонных лет с остро блестящими и внимательными, казалось, способными заглянуть в самую душу глазами, сказал ему чуть грустно: “Не тратьте понапрасну времени, юноша. Психиатрия вам заказана. У вас нет для нее данных. Главное, у вас нет способности понимать людей, разбираться в сложности их внутреннего психологического устройства. Мой вам совет — идите в санитарную, там все просто, там вы будете на месте”.

И это он сказал не с глаза на глаз, а в присутствии других студентов, в том числе и Паровозикова. И как же к нему идти? Он, наверняка, помнит. Да и приятелями они, в самом деле, никогда не были, даже наоборот, у Кукурузова остались с ним кое-какие счеты...

Нет, он ни слова не принял из того, что сказал ему доктор психиатрии, ни на йоту не поверил ему, отгел это вслед за прозвучавшим где-то в глубине оскорбленного сознания: “*Нет-нет это полная дребедень этого просто не может быть потому что никогда быть не может*” — и впредь, если ему вдруг вспоминалось это, точно так же мгновенно отгелал. Но мысль о том, чтобы стать психиатром, тем не менее навсегда оставил.

И сейчас, сидя на диване, не желал говорить на эту тему. А Жанна настойчиво пыталa его:

— Ну почему, почему? Это же во всех отношениях лучше, чем следить, посыпаны ли хлоркой выгребные ямы!

— Не надо об этом! — сдавленно сказал Кукурузов, снова кидая руки вниз. Он сильно побледнел.

— О-о, дорого-й мо-ой... — протянула Жанна и засмеялась своим легким, беззаботным смехом. Но глаза ее при этом нехорошо, недобро засверкали. — Ну, давай тогда будем подолжать жить, как живем. Они, значит, могут, Паровозиковы, они, значит, имеют, у них пусть будет все, а мы — по принципу: не дал Бог ума, грядет сума!

— Слушай!.. — вскричал Кукурузов. Негромко вскричал, громко не получилось, потому что голос его был все так же сдавлен каким-то труднопреодолимым горловым напряжением. — Я не стремлюсь... — Он вскочил. — Не стремлюсь... Но унижать себя я не позволю!

Он пошел в коридор и стал быстро, порывисто одеваться. Жанна смотрела на него в крайнем удивлении и еще так, будто видела впервые и не

узнавала. Но через мгновение-другое она вдруг опять громко рассмеялась. А он, застыв, уставившись на нее исподлобья, из-под сдвинутых бровей (как раз наклонился, чтобы завязать шнурок туфля), с каким-то сумрачно-тупым выражением некоторое время смотрел, как она смеется над ним, держась за живот и извиваясь всей своей гибкой фигурой, отчего колышались и переливаются медью ее взбитые волосы, затем резко разогнулся, выдал сипло и тихо, чуть не шепотом:

— Не позволю!

И выскочил из квартиры.

На следующий день он подал на развод.

Жить перешел в комнату, долгое время пустовавшую после смерти бабушки. Поставил там раскладушку, а рядом — чемодан со сменным бельем и всем прочим, необходимым для холостяцкой жизни. Теперь комната напоминала гостиничный номер, временное пристанище. Она и раньше была пустой, неприютной, ничего, кроме книжного шкафа, в ней не было, да и то Жанна сразу же забрала из него все свои книги, учебники офтальмологии и французские романы (для нее только та книга заслуживала внимания, в которой повествовалось о любви), и осталось десяток полтора книг, принадлежавших Кукурузову еще со школьных времен — переплетенные в рельефные обложки разных цветов тома из серии “Библиотека приключений и фантастики”. Как ни красивы были витиевато разрисованные корешки этих книг, но пустоты, образовавшиеся на большей части полок, придавали шкафу вид унылой сиротливости.

Все свободное время теперь Кукурузов проводил в этой комнате. Слушал старый свой транзисторный приемник, читал прессу. Но в основном просто лежал или сидел на раскладушке. Сказать, что он думал, было бы неправильно. Нет, он и думал, конечно, но очень мало, львиную же долю досуга отдавал тому, что называют аутотренингом, хотя и это понятие, пожалуй, не вполне соответствовало роду его времяпрепровождения, а это, было, скорей, погружением во внутреннее *ничто*, в некий духовный вакуум, переходом в состояние одного какого-нибудь ощущения, всегда, конечно, приятного, и если он, лежа на раскладушке и закрыв глаза, мысленно уносился, например, на морской берег, то это, в сущности, не было никаким самовнушением, он просто оказывался в воображаемой атмосфере весьма ему отродного солнечного тепла, тепла как такового, без сопутствующего ему зримого антуража, без пальм, песка, неба, морской глади и даже без солнца; он *пребывал* в этой беспредметной атмосфере и довольствовался ею, как микроб довольствуется пребыванием в благоприятной среде. Он мог чисто умозрительно представить себя в лесу, на сказочной полянке или за стойкой бара, мог мысленно обставить свою пустую комнату богатой мебелью и устелить персидскими коврами, а стены увешать самыми раритетными картинами, но целью его всегда было не увидеть это, не прожить какой-то воображаемый отрезок жизни, а лишь ощутить ту благодать, которую он мог бы испытать, оказавшись все это у него в реальной жизни. И он старался пробыть в этом состоянии как можно дольше, дабы отойти от всего, что было ему чуждо и неприятно в жизни, а чужды и неприятны были ему в первую очередь люди. Он их никогда не любил. В семье он вырос один. Жили вдвоем с матерью, учительницей физики, дни напролет пропадавшей в школе, и он с детства привык по многу времени проводить дома в одиночестве. Ему нравилось быть одному, и когда жизнь всучила ему одиночество, вынудив подать на развод, он даже обрадовался и первое время буквально наслаждался этой возвращенной ему возможностью постоянно быть наедине с собой, как подарком-напоминанием о счастливом времени детства, хоть и неприятно было ему, когда жена приводила гостей, которые и раньше ходили к ним часто, без них не обходился ни один выходной; нередко они бывали у них и среди недели. Теперь выяснилось, что в гости к ним всегда ходили только друзья Жанны и что у него друзей нет и никогда не было. Но некоторые мужья Жанных подруг успели привыкнуть к нему, считали его своим другом, и поначалу звали к себе: “Ну что ты там горюешь? Идем к нам, посидим! Или хоть покурим!” Он отказывался и посидеть, и покурить, тем более что курить ему пришлось

бросить из-за упавшей работоспособности и начавших одолевать вялости и сонливости. Расстаться с табаком не стоило ему особого труда, воля у него была сильная; что же касается “горюешь”, нет, он не горевал и ни о чем не жалел; если спрашивали, говорил, что все у него нормально. Но заставить себя постоянно пребывать во внутреннем равновесии он не мог, и вскоре у него начались перепады настроения — от искусственно созданного благостного к мрачному, ядовито-злобному, по сути жесточайшей хандре, когда мысленно он вновь проводил поверку длинного реестра мелких обид, нанесенных ему разными людьми, и в эти минуты в его душе происходило такое, от чего любой блюститель христианских заповедей, случись ему хотя бы на одну секунду окунуться в этот черный ураган страстей, ужаснулся бы шириной пропасти, которая отделяла этого довольно приятного и безобидного на вид человека от согласия с тем, что всем нам завещано в равной степени: любить ближнего, прощать обиды, не противиться злему...

В день накануне суда по их бракоразводному процессу у Кукурузова было особенно плохое настроение. Он не мог уснуть. Уже был, наверное, час ночи, а сон все не шел. В распахнутое окно тянуло летним ночным теплом, напитанным запахами тополей и цветочных клумб. Он сидел, облокотившись на подоконник и глядя во тьму, на пробивавшийся сквозь листву свет фонаря и кусочек неба в звездах над крышей с антенной. И вдруг в полной тишине запела какая-то птица. Он вздрогнул и прислушался. Пение звучало рядом, видно, птица затаилась в кроне одного из ближних деревьев. Это было очень красиво. Он заслушался. И вдруг злоба ушла, он почувствовал ту самую внутреннюю благодать, к которой стремился и вчера, и сегодня, но которой никак не мог достичь. Ему вспомнился давний вечер, когда они с Жанной сидели на скамейке в сиреневом сквере. Там тоже пела какая-то птица, очень похоже на эту... Он забылся, и у него в голове вдруг мелькнула мысль пойти к Жанне и сказать: “Послушай-ка!.. Помнишь?..”

Внизу раздался треск кустов, и кто-то пьяно и хрипло заголосил: “Степь да степь круго-о-ом, путь дале-е-к лежи-ит...” И другой голос, такой же пьяный, подхватил: “В той степи-и глухо-ой... за-амерза-ал ямщи-ик...” Двое шли мимо дома, невидимые во тьме, и пели, перекрикивая друг друга. Птица умолкла. Кукурузов опомнился, на него вновь нахлынула злоба, уже на этих пьяных, отнявших у него благодать, он выругался с досадой и на них, и на свою минутную слабость, когда уже был готов пойти, разбудить её, чтобы вместе слушать пение птицы... Захлопнув окно, он лег на раскладушку, укрылся простыней, собрал волю в кулак и стал считать про себя, но уснул еще не скоро...

На следующий день они с Жанной стояли в зале суда, и судья, пожилая серьезная женщина, спрашивала Кукурузова:

— Что же заставило вас подать на развод?

— Решил... — пожал плечами Кукурузов.

— По какой причине?

— Наверное, нет этих самых чувств...

— Но позвольте, вы не юноша, чтобы оценивать семейную жизнь по таким критериям! Вам уже тридцать пять! К этому возрасту чувства друг к другу остывают у большей части супругов. Так что ж, всем теперь разводиться?

— Она меня... — Кукурузов замялся, опуская взгляд. — Ну, в общем... не понимала...

— То есть?

Кукурузов молчал. Сидевшие в зале люди смотрели на него. Кто-то из мужчин прошептал: “Э-эх, толку-то с развода... только повод бабе для гульбы...”

— Может, вы объясните? — обратилась судья к Жанне.

— Я сама не знаю, — ответила Жанна и рассмеялась своим легким, беспечным смехом. — Нет, мне правда все это непонятно! Как-то ни с того ни с сего вдруг взял, подал...

— Значит, вы считаете, повода для развода нет?

— Да никакого! — смеясь, говорила Жанна. — Я удивляюсь, с чего ему взбрело?

Судья перевела взгляд на Кукурузова:

— Что вы на это скажете?

— Она... — Кукурузов заговорил с трудом, буквально выталкивая из себя по слову с прерывистым дыханием и дрожью в голосе. — Она... меня... оскорбила... сказала, что я... Ну, в общем... что моя работа...

— А-а, во-он в чем дело! — воскликнула Жанна. И снова засмеялась. И со смехом говорила: — Да я ему просто сказала, что он мог бы устроиться поприличней и зарабатывать получше. А что здесь такого оскорбительного? Разве кто-то из присутствующих не согласится со мной? Сейчас, в такое время, когда приходится выживать, и все ищут... надо же быть как-то умней... А так, как он... Ну, не знаю. Как говорится, нет в голове, нет и в портмоне. — Она прыснула в ладошь и опять звонко рассмеялась. — И если...

— Разводите! — вскипел вдруг Кукурузов. И, глядя на судью и багровея, повторял сдавленно, почти шепотом, кидая сложенные кисти рук вниз: — Разводите! Разводите! Разводите!

— Да успокойтесь вы, — сказала судья. Она смотрела на Кукурузова с большим удивлением и даже с некоторым испугом. — Разведем. Нет ничего проще...

В тот день Жанна, встретив подругу, без тени расстройства, беззаботно махнув рукой и улыбнувшись, сказала:

— Разбежались мы с ним. Ну и подумаешь, другого найду! Что он мне, Леша? Лентяй!

Кукурузов пришел домой поздно и несколько выпивши. Он был в кино, потом посидел к кафе, отпраздновал день освобождения. И теперь был спокоен, по его лицу блуждала улыбка, несколько злорадная, но отчасти и довольная.

Проходя через большую комнату к своей, полупустой, он остановился у стола с компьютером, за которым сидел сын. Посмотрел на монитор. Там носились роботы, стреляли друга в друга из больших пистолетов, разлетались взрывы, вновь появлялись, снова стреляли...

— Что, Олег, — спросил Кукурузов. — Опять война?

— Да. Мы с Лехой Артюхиным новую игру сделали.

— Не с Лехой, а с Лешей, сколько раз говорить! Или с Алексеем... А где здесь эти, маленькие? Которые на рисунке были.

— Элементалы? Вот они. Могу даже увеличить и отдельный экземпляр показать... Пожалуйста, смотри.

Кукурузов взглянул на робота, сплошь покрытого металлически-сверкающими чешуйками.

— Ну и рожа, — покачал он головой. — До чего же злоющая. С такой только и воевать.

— Они не все такие, — сказал сын. — Этот злой, а есть жизнерадостные. Вот, например... — Он подвигал мышкой, и на мониторе появился другой элементал. — Видишь?

— А-а, да, да, — кивнул Кукурузов. — И правда, весь так и лыбится. Прямо как твоя мама... Н-да... Ну ладно, ладно! Что ты? Я так просто... Играй!

